

С. Б. Сорочан

К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки

Речь пойдет о плотной шелковой ленте, обнаруженной в известном, давно исследуемом могильнике Мощевая Балка (Карачаево-Черкессия, северо-западный Кавказ). Интерпретация этой находки вызывает интерес и с точки зрения византийской истории, поскольку связана с неким протоспафарием, и с точки зрения византийской филологии, ибо реконструкция текста, вытканного на ней, до сих пор не имеет однозначного толкования. Более того, этот археологический источник, введенный в оборот в 1996 г., породил к настоящему времени определенную историографию [1, с. 80–81; 2, S. 251; 3, S. 125–130; 4, с. 120–122; 5, с. 108–119; 6, с. 133–136], тоже нуждающуюся в осмыслении. Поэтому имеет смысл еще раз обратиться к ее анализу и дать истинную оценку значимости артефакта.

Сразу замечу, что оба варианта предложенных В. С. Шандровской прочтения и перевода надписи на именной шелковой ленте в целом верны¹. Но как еще один уточненный вариант можно было бы предложить следующее: ...ΙΜΕ ΧΑΙΡΕ ΕΝΔΟΞΕ ΚΥΡ[Ι]Ε ΙΒΑΝΗ ΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ΑΝΘΗΣ ΣΥ[Ν] ΝΕΟΤΗΣ ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ]... Перевод: «...приветствую досточтимый (прославленный) кир Ивани, протоспафарий, процветай с молодости (юности), радуйся (украшайся)...». Дело в том, что в наиболее полной публикации А. А. Иерусалимской 2012 г. [6, с. 135] в греческом тексте памятника оказались пропущены или перепутаны некоторые буквы: ΧΑΙΕ (вместо ΧΑΙΡΕ — приветствую, славлю), ΑΝΘΗΧ (вместо ΑΝΘΗΣ; это Coniunctivus praesentis activi, 2 л. Sing. от гл. ανθῶ — процветать; правильное должно быть ΑΝΘΗΣ, но так как Ι не читается, то ее вполне могли опустить при написании уставным шрифтом), ΧΥ[Ν] (вместо ΣΥ[Ν] оригинала; это четко просматривается и означает предлог «с, вместе, совместно», который требует дательного падежа, но стоящее после него существительное стоит в именительном падеже; возможно, здесь ΣΥ[Ν] использовали не как предлог, а как приставку и оно составило одно слово с существительным), ΝΕΟΤΗΧ (вместо ΝΕΟΤΗΣ, то есть от е νεότης — молодость, юность, III склонение), ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Ο] (вместо ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ] или ΦΑΙΔΡΥΝΗΣ, Coniunctivus praesentis activi, 2 л. Sing. от гл. φαίδρυνω). Видимо, такие отклонения от оригинала следствие тривиальных опечаток при переносе предложенного В. С. Шандровской текста в издание монографии А. А. Иерусалимской.

Недавно А. Ю. Виноградов, обратившись к памятнику, предложил свой вариант прочтения текста (ΙΜΕ ΧΑΙΡΕ ΕΝΔΟΞΕ ΚΥΡΙΒΑΝΗ ΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ΑΝΘΗΣ ΣΥΝ ΝΕΟΤΗΣ ΦΑΙΔΡΥΝΗ) и перевод, во многом совпадающий с нашим: «...радуйся, славный господин Иваний (или: Ваний) протоспафарий; пусть цветет твоя молодость, пусть сияет...» [7, с. 21–24].

¹ «...Слава тебе (да здравствуй) достопочтенный (прославленный) господин Иване протоспафарий, процветанию и молодости [своим] [ты] радуешься...» [1, с. 80]; «...Привет тебе, достопочтенный господин Ибане протоспафарий, ты процветаешь в молодости [своей], торжествуешь (вариант: радуешься)...» [6, с. 135].

Имя ИΒΑΝΗ (Ивани в рейхлиновом, Ибане в эразмовом произношении), на первый взгляд, читается совершенно ясно. Оно происходит от ИΒΑΝΗΣ (возможно, образованное от ΙΟΑΝΝΗΣ [ΙΟΑΝΗΣ]) и, согласно византийской традиции, должно читаться Иванис. Слово кир действительно переводится как «господин» (варианты — «хозяин, государь») и встречается в благопожелании — аккламации протоспафарию как вокатив ΚΥΡΙ, на что обратил внимание А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Такое сокращение от ΚΥΡΙ[Ε] в повелительном наклонении вполне допустимо, причем при обращении «господин» должно было бы быть множественное число ΧΑΙΡΕΤΕ, а не ΧΑΙΡΕ, что наводит на размышления.

В ранней Византии кир мог быть титулом, который соответствовал высшему классу чиновных званий. Но, важно подчеркнуть, он же обозначал некоторых иноземных правителей и был близок по смыслу к топарху — «правителю местности». Так называли правителей независимых и полунезависимых политических образований, расположенных в приграничных районах Византии и находившихся в союзных с Империей отношениях. В византийских источниках эквивалентом этого термина служили чаще всего титулы архонт, игемон, а в Таврике, очевидно, кир. В частности, так именовали должностное лицо в крымской архонтии и феме Херсон конца VIII—IX вв., которое обладало имперскими санами (ипат, спафарокандидат) [8, с. 207–216, 359, 361; 9, с. 524, 726]. Разница лишь в том, что при передаче византийской титулатуры сначала шел титул, а затем должность, тогда как в нашем варианте на ленте из Мощевой Балки сначала следует должность (если это должность, а не обращение, вокатив или имя собственное) и лишь затем титул, причем весьма престижный, значительный, хотя и не «чрезвычайно» [6, с. 135].

Протоспафарий дословно означало «первый меченосец». Так поначалу титуловали командира дворцового вооруженного отряда. Это был сан ниже патрикия и магистра, но достаточно высокий (одиннадцатое, начиная с низшего, место в Тактиконах IX в.). Как «генеральский» титул, он начал использоваться гораздо раньше, вероятно, уже с конца VII — начала VIII вв., и жаловался преимущественно военным или околовоенным, обычно стратигам (военачальникам, правителям округа, фемы, комендантам городов), апостратигам (отставным стратигам), а также придворным и императорским слугам, «царевым мужам», включая иноземцев, почетным стражникам василевса, которые имели право участвовать в торжественных выходах царя и организации царских пиров (примеры — протоспафарии Хрисотриклина и Лавсиака). Согласно «Клиторогию» Филофея 899 г., различали два вида протоспафариев — «бородатых» (*barbatoi*) и евнухов (*ektomiaí*), причем последние стояли выше. Важно отметить, что симеей (*simeia*), то есть инстингией, знаком власти носителей этого титула была никак не шелковая лента, подобная ленте из Мощевой Балки, а золотое оплечье — нашивной шелковый или из золота маниакий (*maniakion*), украшенный жемчугом, и особая одежда — белая, украшенная золотом туника и красная накидка-мантия с золотой каймой. Неевнухи вместе с титулом получали лично от василевса золотое ожерелье (*kloios*), украшенное драгоценными камнями, и, надо подчеркнуть, церемония вручения этой симеи происходила обязательно в Константинополе, при дворе. Все протоспафарии, исполнявшие придворные должности, именовались в целом оффициалами. В «Пире» Евстафия Ромея, юридическом трактате первой трети XI в., указывается, что лица, имевшие титул протоспафария, как и лица, которым были присвоены еще более высокие титулы, являлись членами синклита — высшего совещательного органа при василевсе, который состоял из высоких чиновников и военных, действительных и находившихся в отставке, и имел еще и судебные функции [подр. см.: 10, р. 22, 123; 11 р. 99–131; 12, р. 297; 13, р. 1748; 9, с. 663; 14].

Насколько все это относимо к упомянутому на ленте протоспафарию, сказать трудно. Мог быть возможен и первый, и второй вариант. Но в любом случае обращение, как и сама надпись, и вообще великолепно выполненная узкая, шириной 1,1 см,

скорее всего, налобная («наградная»?) тесьма-лента — диадема, не традиционны для византийской административной, церемониальной или дипломатической практики. Судя по сохранившимся двум фрагментам (большому с текстом, указанным выше, и малому, с пятью-шестью сохранившимися буквами, из которых отчетливо разбираются лишь ПРО), а также остатку слова ..IME (возможно, ..HME) — началу обращения к протоспафарию, лента могла иметь, вероятно, одинаковую надпись спереди и сзади (общая сохранившаяся длина 46,1 см). Важно учитывать, что начертание букв ее уставного шрифта, как и общая датировка могильника, позволяют относить находку не только к VIII в., как полагает А. А. Иерусалимская, но и к IX в., если не позднее¹. Полных аналогий она действительно не имеет. Скорее всего, мы все же имеем дело не с обычным церемониальным предметом, знаковым атрибутом протоспафария, неким вариантом золотого ожерелья или маниака, и тем более не с военным офицерским поясом (для этого он слишком узок и лишен полагавшихся металлических, золотых накладок, бляшек), а с экстраординарным, уникальным артефактом, выпущенным в столичной византийской мастерской для некоего конкретного протоспафария, причем не грека, к какому-то неизвестному нам событию.

Имя Иванис, переданное в греческой транскрипции, явно не ромейское, но и не тюркское. У болгар, насколько известно, в VIII—IX вв., до принятия христианства оно не встречалось, а появилось в славяно-болгарской ономастике не ранее конца IX — начала X вв. (Иван и еще более поздний Иванко), на что уже обратил внимание С. Н. Малахов [4, с. 121], но не учла в своих построениях А. А. Иерусалимская. Одно из таких первых свидетельств относится к Ивану, сыну болгарского царя Симеона (893–927 гг.), неудачному претенденту на трон, который в 927/928 г. поднял бунт против недавно унаследовавшего престол брата, царя Петра (927–969 гг.), и в итоге был брошен в тюрьму, а затем отправлен в Константинополь, с которым Петр заключил мир [16, с. 71–78]. Имя Иван (HBANN), написанное по-гречески, встречается на редком византийском моливдуле из Перника (изображение Св. Димитрия и надпись на обороте: «Господи, помоги рабу Иванн(и)»), то есть на ней фигурирует переданное в греческой транскрипции болгарское крестильное имя византийского функционера, но печать относится к 1040–1070 гг., то есть датируется, скорее всего, не ранее середины XI в., когда Болгария находилась под византийским владычеством и существовала практика награждать за службу местную знать [17, с. 135. табл. IV. 9]².

Впрочем, не исключены кавказские, грузинские (Иванэ, Иоване) или армянские (Ваанис, Вааниос, Ванис) аллюзии имени Иванис³, но уверенности в этом тоже нет. Странно, что имя протоспафария и кира не было дано в греческой надписи в византийском крестильном варианте, каковым, скорее всего, стал бы Иоанн (Иоаннос). Это можно объяснить только тем, что адресат ленты оставался не крещеным. Последнее обстоятельство тоже склоняет к предположению о его не ромейском происхождении.

Наконец, возможен и еще один, пока не учтенный другими исследователями вариант: кир не обращение, а имя собственное, редкое, но известное в греческой

¹ К такому же выводу пришел и А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Прежде я излишне доверчиво отнесся к публикации 1996 г. и, не имея возможности познакомиться с артефактом, вслед за А. А. Иерусалимской отнес ленту к свидетельствам сложных арабо-византийско-хазарских отношений на северном Кавказе в 30–40 гг. VIII в. [15, с. 490–491].

² Приношу благодарность проф. Георги Атаносову за помощь в этих разысканиях.

³ А. Ю. Виноградов считает возможным видеть на ленте указание на кира Ваниса, что позволило бы отнести функционера с таким именем к армянам IX в. Но это привлекательное исследовательское допущение ставило бы в тупик современников, которые не знали, что им читать на ленте — имя Иванис или Ванис, поскольку знак разделения отсутствовал. Кроме того, это армянское имя, как правило, писалось с двумя «а» — Ваанис, что признает сам А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. Наконец, о славянской возможности этнонима Иванис [см.: 4, с. 122].

ономастике ранневизантийского и средневизантийского периодов, особенно на Ближнем Востоке, и тогда дело идет о некоем крещенном «досточтимом Кир Иванисе», где Иванис — фамильное имя, патроним. Отсюда обращение к нему ХΑΙΡΕ, а не ХΑΙΡΕΤΕ.

В любом случае, написано ли здесь Иванис или Ванис, это был иноземец, инородец — «эфник», хотя и на ромейской службе или, по меньшей мере, под ромейским влиянием. Что он делал в этом регионе и был ли в нем вообще, тоже остается в области догадок. Во всяком случае, отождествлять его поле деятельности именно с Хумаринской крепостью и помещать туда ставку протоспафария нет абсолютно никаких оснований [ср.: 5, с. 118; 6, с. 136]. Это произвольная историческая реконструкция, опирающаяся лишь на кабинетные размышления. С таким же успехом появление ленты в районе важных во всех отношениях перевалов верховьев Лабы и Кубани можно соотнести с хорошо известными из сообщений Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана событиями, связанными с присылкой хаганом и пехом Хазарии в 833 г. посольства в Константинополь с просьбой помочь отстроить крепость Саркел на Дону и весьма результативной экспедицией протоспафария Петроны Каматира, который через Пафлагонию и Херсон в 30-е гг. IX в. отправился выполнять это поручение василевса Феофила и должен был иметь в Подонье и Предкавказье эффективных помощников, продолжателей начатого им дела строительства Саркела, и, возможно, других крепостей [подр. см.: 15, с. 548–581; 18, с. 553–557; 19, с. 350–352]. Этот регион, как и алано-абхазская граница, всегда находились в русле приоритетных стратегических интересов Византийской империи, тем более в неудачную для ромеев эпоху борьбы с арабами в Малой Азии, Колхиде, Абхазии в 30–50-е гг. IX в., к перипетиям которой с некоторой долей вероятности могло относиться появление именной шелковой ленты из Мощевой Балки.

Очевидно, приоткрыть завесу тайны редкого артефакта мог бы анализ редкого имени его владельца, — того, кому был вручен этот дар, но кто был его носителем этнически, остается неизвестным. В византийской ономастике Иваниса нам разыскать не удалось, и косвенные факты подсказывают, скорее всего, его славяно-болгарский вариант. Однако условия находки ленты открывают большой простор для домыслов. Слишком много соединительных звеньев отсутствует. Появление ее на северном Кавказе могло быть совершенно случайным, следствием предыдущих этапов перехода из рук в руки, например, в виде военной добычи, причем даже с территории Балкан, как и последующая судьба, учитывая то прозаическое обстоятельство, что местные обитатели той же Мощевой Балки использовали шелка самого разного производства и рисунка, включая их лоскутки, которые сшивали между собой без учета сюжетов изображенного на них. Наконец, ее могла приспособить местная девочка или девушка в качестве налобной ленты, пример чему дает находка в одной из могил подобной ленты, украшенной нашитыми брактеатами с византийскими монетами [6, с. 72–73, рис. 42]. Содержание рисунков, как и надписи, даже если ее могли понять, несколько не волновало таких «потребителей» экзотичной «красивости». Похожая плотная шелковая лента из золотых и серебряных нитей с шахматным узором в виде мелких параллелограммов, но притороченная к круглой шапочке, известна в коллективной раннеевизантийской гробнице — кимитирии из портового района крымского Херсона, где она покоилась на черепахе молодого человека, похороненного, в отличие от остальных, в гробу [20, л. 4–5; 21, с. 22; 22, с. 38, рис. 1, 2; 23, с. 315]. В случае же с нашим протоспафарием это была самостоятельная, вероятно, налобная, плотная лента-тесма или, точнее, облегченная диадема в виде дорогой шелковой ленты, что объясняет наличие на ней одинаковой надписи спереди и сзади. Подобные златотканые, но не именные шелковые ленты, украшенные жемчужинами, встречались даже в повседневном императорском обиходе, а не только в придворных церемониях [9, с. 44, 456].

Таким образом, все, что несет лента протоспафария, заключается в гипотетическом указании на некую существовавшую в исторической реальности политическую связь Кавказа, его туземных анклавов, пограничных лимитрофов с Византией в VIII—IX вв. Причем, учитывая особенности имени, как уже сказано, все же наиболее вероятно его славяно-болгарское происхождение, и в этом случае Иванис никак не мог появиться ранее крещения Болгарии. Скорее всего, дорогую ленту-диадему в свое время вручали в Константинополе сравнительно юному, молодому иноземцу — эфнику, может быть, сыну иноземного правителя. Намек в благопожелании на цветущую молодость, юность данного лица не обязательно аллюзия на текст раздела 5 Псалома 102, как полагает А. Ю. Виноградов [7, с. 21–24]. За услуги (оказанные или возможные в перспективе) его почтили саном протоспафарий с жалованьем 72 номисм, соответствующими выплатами, а, возможно, и другими дарами. Последнее было вполне в духе дипломатической практики ромеев, охотно использовавших такой вариант скрытого подкупа [13, р. 1748]. Формально это рассматривалось даже как зачисление на государственную службу Империи. Именно так армянский правитель Гурген Арцруни получил сан ипата от василевса Михаила III [24, с. 97–98]. Случалось, что жаловали и титулом патрикия, а то и кесаря, как это можно видеть на примерах не крещенных болгарских вождей Органа-Орахана, Куврата, Тервела и прочих, или даже крещенного «кира Симеона василевса Болгарии» [25, с. 252–256, 268].

Наконец, еще один возможный вариант развития событий с участием Иваниса мог быть связан не с Кавказом, а с Болгарией 60-х гг. IX в. К тому времени византийцы вновь показали силу в войне с арабами и не только выправили ситуацию, заставив врага перейти к обороне, но и достигли большого успеха, в 863 г. окружив и наголову разгромив на границе Пафлагонии войска эмира Малатем (Мелитины), крупнейшего форпоста мусульман на востоке Малой Азии. Одержанная победа подняла авторитет Византии и усилила ее решимость к действиям. Ромейская армия появилась у границ Болгарии, а пополненный боевыми кораблями флот внушительно демонстрировал свою мощь у берегов Далмации, где издавна сохранялись зоны таких латинских поселений как Сплит или Задар. Стычки за Венецию, важный порт, заменивший соседствовавшую с ним Равенну, тоже складывались в пользу византийского контроля за этим регионом Балкан. Исподволь, постепенно ромейские власти восстановили ряд епархий, исчезнувших в результате славянских вторжений. Все это вынудило болгарского хана Бориса (852–889 гг.) перестать слать посольства к франкам и по заключению мира после очередного успешного похода Империи к болгарским пределам довольно поспешно принять от византийцев христианство в 864/865 г. После крещения он получил имя своего приемника, крестного отца, правившего на тот момент василевса Михаила и титул князя — по-ромейски «богоданного архонта». За ним крестились и его подданные, а при болгарском дворе образовалась сильная проромейская партия. Это был один из крупнейших официальных миссионерских, а, значит, и политических успехов Византийской империи после VIII в., отмеченного усилиями лишь единичных частных проповедников, таких как Стефан Сурожский (Сугдейский), пытавшегося умножить число христиан в юго-восточном Крыму [26, с. 76–96]. На фоне этих знаменательных исторических событий награждение некоего молодого, но знатного и, видимо, пользовавшегося влиянием болгарина Иваниса саном протоспафарий и диадемой в виде дорогой именной шелковой ленты кажутся не менее возможными, чем прочие предлагавшиеся выше варианты или любые другие, припадавшие на VIII—IX вв. (миссия Льва Исавра и осада Археополя, отпадение Лазики и Абхазии, походы Мервана ибн Мухаммеда (736–737 г.) и Сулеймана ибн Хакиама (738 г.), бегство Артавазда Мамиконяна в Эгриси (774–778 гг.), картлийский эриस्ताвар Нерсе в Абхазии (около 782 г.), провозглашение Абхазского царства (786–787 гг.), походы Варды и Феоктиста на Абхазию (ок. 840–842 гг.) и пр.) [подр. см.: 27, с. 156–176].

В любом случае, подыскивая все новые и новые гипотезы и искусственно подгоняя их к находке, мы не выйдем из области предположений, в которой держит нас интерпретация уникального артефакта из Мощевой Балки. С сожалением следует признать, что данных для его окончательного толкования нет, как нет и перспектив для дальнейшего изучения этого предмета. Факт пребывания византийского сановника именно на северо-западном Кавказе никак не несомненен. Определенно можно сказать, пожалуй, лишь то, что мы имеем дело не с бытовой вещью, и эта экстраординарная, редкая вещь в VIII—IX вв., если не позже, принадлежала протоспафарию не ромейского происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иерусалимская А. А.* Византийский военачальник на северном Кавказе. Шелковая лента из Мощевой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тез. докл. — М., 1996.
2. *Ierusalimskaja A.* Die Gräber der Moscevaja Balka. — München, 1996.
3. *Ierusalimskaja A.* Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? Le ruban en soie de Moscevaja Balka // LITHOSTOTON. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für M. Restle. — Stuttgart, 2000.
4. *Малахов С. Н.* Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тез. докл. XVII Всероссийской научной сессии византистов. Москва 26–27 мая 2004 г. — М., 2004.
5. *Афанасьев Г. Е.* Кто же действительно построил для хазар Левобережное Цимлянское городище? // РА. — 2011. — № 3.
6. *Иерусалимская А. А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском Шелковом пути. — СПб., 2012.
7. *Виноградов А. Ю.* Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Памятники раннего христианства на западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы Междунар. археологической конф. (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). — Краснодар, 2013.
8. *Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. — М.; Магнитогорск, 2006. — Вып. 16 / 1.
9. *Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. — Х., 2011.
10. *Bury J. V.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. — L., 1911.
11. *Guiland R.* Recherches sur les institutions byzantines. — Berlin; Amsterdam, 1967. — Т. 2.
12. *Oikonomides N.* Les Listes de preance byzantines de IXe et Xe siecles / Introd., texte, traduct. et comment. — P., 1972.
13. *Protospatharios* // The Oxford Dictionary of Byzantium. — N. Y.; Oxford, 1991.
14. *Protospatharios* [Электронный ресурс]. Режим доступа: en.wikipedia.org/wiki/protospatharios.
15. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005. — Ч. 1.
16. *Попконстантинов К.* Эпиграфски бележки за Иван, царсимеоновият син // България в Северното Причерноморие. Изследования и материали. — Велико Търново, 1994. — Т. 3.
17. *Юркова Й.* Нумизматични и сфрагистични памятници (867–1195/1203) // Перник. — София, 1983. — Т. 2.

18. *Никифоров М. А.* К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* — Симферополь, 2009. — Вып. 15.
19. *Сорочан С. Б.* К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 2011. — Вып. 10.
20. *Отчет за 1903 год* // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». — Д. № 12.
21. *Раскопки в Херсонесе* // *Отчеты Археологической комиссии за 1903 год.* — СПб., 1906.
22. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // *Известия Археологической комиссии.* — СПб., 1905. — Вып. 16.
23. *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* — Симферополь, 1912. — № 46.
24. *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. — М., 1988.
25. *Люттвак Э.* Стратегия Византийской империи. — М., 2012.
26. *Мозгаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009.
27. *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // *Древности Западного Кавказа.* — Краснодар, 2013. — Вып. 1.

Резюме

Сорочан С. Б. До питання про стрічку протоспафарія з Мощевої Балки

У статті розглядається унікальна шовкова стрічка, знайдена у відомому могильнику VIII—IX ст. на Північно-Західному Кавказі. Пропонується уточнений переклад напису на стрічці і розглядається історіографія питання вивчення артефакту. Аналіз дозволяє дійти висновку, що ми маємо справу з дорогою не побутовою, але й не церемоніальною річчю (вузькою налобною стрічкою-діадемою). Вона була виготовлена для молодого парубка іноземного походження, який отримав в Константинополі високий сан протоспафарія. Його слов'яно-болгарське, грузинське або вірменське походження, як і ім'я (Іваніс, Кір Іваніс, Ваніс), залишаються під питанням. Невідомі обставини появи стрічки на Кавказі та її широке датування не дозволяють використовувати знахідку в якості повноцінного джерела для реконструкції конкретних історичних подій. Спроби такого роду, які вже робилися, слід визнати невиправданими.

Ключові слова: Візантія, кір, протоспафарій, Мощева Балка, Кавказ, хазари, болгари.

Резюме

Сорочан С. Б. К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки

В статье рассматривается уникальная шелковая лента, обнаруженная в известном могильнике VIII—IX вв. на Северо-Западном Кавказе. Предлагается уточненный перевод надписи на ленте и рассматривается историография вопроса изучения артефакта. Анализ позволяет прийти к выводу, что мы имеем дело с дорогой не бытовой, но и не церемониальной вещью (узкой налобной лентой-диадемой?). Она была изготовлена для молодого человека иноземного происхождения, который был

возведен в Константинополе в высокий сан протоспафария. Его славяно-болгарское, грузинское или армянское происхождение, как и имя (Иванис, Кир Иванис, Ванис), остаются под вопросом. Неизвестные обстоятельства появления ленты на Кавказе и ее широкая датировка не позволяют использовать находку в качестве полноценного источника для реконструкции конкретных исторических событий. Предпринимавшиеся попытки такого рода следует признать неоправданными.

Ключевые слова: Византия, кир, протоспафарий, Мощевая Балка, Кавказ, хазары, болгары.

Summary

S. Sorochan. For the Issue of Protospatharios Ribbon from Moshevaja Balka

The article discusses the unique silk ribbon found in the famous burial ground of VIII—IX centuries in the Northwest Caucasus. The specified translation of inscriptions on the tape is proposed and historiography of studying the artifact is considered. Analysis allows us to conclude that we deal with neither common everyday thing nor an expensive ceremonial thing (narrow-headband tiara). It was made for a young person of foreign origin, who had been appointed in Constantinople in high protospatharios rank. His Slavic-Bulgarian, Georgian or Armenian origin, as the name (Ivanis, Cyr Ivanis, Vanis) remain questionable and in doubt. Unknown circumstances of this ribbon appearance in the Caucasus and its wide dating don't allow to use this find as a complete source for the reconstruction of specific historical events. This kind attempts have been made should be recognized as unjustified.

Key words: Byzantium, kyrios, protospatharios, Moshevaja Balka, Caucasus, Khazars, Bulgarians.

